ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 24 | Воскресенье, 2 (15) іюля 1905 г. | № 24

Новый управляющій военнымъ министерствомъ, генералъ-лейтенантъ
А. Ф. Редигеръ.

Новый начальникъ главнаго штаба, генералъ-лейтенантъ
Ф. Ф. Палицынъ.

Памяти Д. Л. Мордовцева.

Не знаю, какъ это будетъ: въ тѣхъ многочисленныхъ статьяхъ съ характеристиками умершаго на-дняхъ Д. Л. Мордовцева, которыя появляются въ настоящее время повсюду, будетъ-ли упомянута та черта характера, которая мнѣ у него представляется наиболѣе выдающейся. Поэтому отмѣчу ее.

Это былъ удивительно доброжелательный человѣкъ. Не было такого литератора, который бы не обратился къ нему за помощью или совѣтомъ, безъ отклика съ его стороны. Несмотря на свою давнюю литературную дѣятельность, на свое крупное имя и почетное положеніе въ литературномъ мірѣ, Даніилъ Лукичъ никогда не возвышался, не величался передъ прочими, не давалъ ни малѣйшаго намека на свои заслуги и привилегіи передъ другими. Онъ держалъ себя въ литературныхъ обществахъ и кружкахъ скромнымъ товарищемъ—и не болѣе. Не было такого общества, — если только оно соотвѣтствовало его литературнымъ взглядамъ и политическимъ убѣжденіямъ, — въ которое онъ не вступалъ, какъ дѣятельный членъ. Дѣло помощи нуждающемуся писателю, собрату и соратнику по профессіи, какъ бы ни былъ малъ этотъ собратъ, всегда было ближайшимъ сердцу покойнаго „діда“. Не даромъ и осталось за нимъ это шутливое, но, тѣмъ не менѣе, почетное прозвище: его доставила старику его неизмѣнная доброжелательность, ласковость его обхожденія со всякимъ мало-мальски достойнымъ, доброхотная подача помощи каждому бѣдняку. Въ литературномъ фондѣ Д. Л. много разъ бывалъ то членомъ комитета и секретаремъ, то членомъ ревизіонной комиссіи, въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ онъ нѣсколько лѣтъ былъ предсѣдателемъ. Литературные неудачники прибѣгали къ нему—и онъ каждаго, бывало, привѣтитъ, каждаго постарается пристроить или ободритъ добрымъ словомъ или пособіемъ.

Сколько исходило отъ него ходатайствъ въ разныя редакціи и комиссіи въ защиту обездоленныхъ тружениковъ печатнаго слова!

На беллетристическихъ товарищескихъ обѣдахъ онъ бывалъ исправнѣйшимъ образомъ, принося съ собой альбомъ, куда должны были вписывать свои афоризмы и стихи всѣ участники этихъ обѣдовъ. Въ послѣдній годъ даже, почти уже слѣпой, онъ посѣщалъ эти обѣды, и всѣ его считали первымъ между равными. Между прочимъ, припоминается, какъ на одномъ изъ такихъ обѣдовъ одинъ важный, надутый, именитый литераторъ съ тонкой улыбкой спросилъ Мордовцева:

— Данило Лукичъ, у васъ, кажется, въ „Вѣдомостяхъ Градоначальства“ романъ печатается?

— Да, да...—скромно и не смутившись отвѣтилъ „дідъ“ своей скороговоркой, потрясая сѣдой бородой: — что-жъ подѣлаешь? Надо, надо... Такое время: съ этимъ міромъ надо связь поддерживать. Просили и далъ. А тамъ, когда придется за кого-нибудь просить, смотришь — и сдѣлаютъ. Это ужъ взятка своего рода выходитъ. Ничего не подѣлаешь... Да, да... Надо, надо...

Такъ признавался авторъ знаменитаго „Знаменія времени“ въ томъ компромиссѣ, на который онъ добровольно шелъ, такъ сказать, ради спасенія погибающихъ, и важный литераторъ съ тонкой улыбкой долженъ былъ умолкнуть при первомъ же своемъ колкомъ вопросѣ. Вотъ — можно признать — истинный товарищъ, принимавшій на себя самопожертвованіе ради

Русскіе военно-плѣнные въ Японіи. — Раненные солдаты и матросы-артурцы у сѣрныхъ источниковъ.
Съ фотографіи находящагося въ японскомъ плѣну подпоручика С. А. Корсакова, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

ближнихъ. Живой, доброжелательный, отзывчивый, деликатный,—Мордовцевъ жилъ только литературными интересами, а слѣдовательно — и интересами своихъ собратьевъ по перу. Онъ весь, до глубокой старости, отдался литературѣ не только, какъ профессіи, но какъ особому міру, со своимъ особымъ людомъ и своими особыми интересами и потребностями.

Вотъ человѣкъ, вотъ труженникъ, вотъ дѣятель, который заслужилъ себѣ на вѣки спокойный, мирный сонъ. Про него-то именно можно сказать словами Баратынскаго:

„Почилъ безмятежно, зане
совершилъ
„Въ предѣлѣ земномъ все
земное".

Н. Повняковъ.

Китайцы у себя дома.

Телеграфъ принесъ извѣстіе о кончинѣ знаменитѣйшаго изъ современныхъ географовъ, Элизэ Реклю; покойный французскій ученый, какъ извѣстно, далеко не принадлежалъ къ числу кабинетныхъ профессоровъ. Сторонникъ крайнихъ политическихъ воззрѣній, онъ провелъ многіе годы на чужбинѣ, сначала какъ противникъ Наполена III-го и его полицейско-бюрократическаго режима, а затѣмъ—за свое участіе въ парижской коммунѣ.

Тѣмъ любопытнѣе послѣдняя изъ появившихся въ печати статей Элизэ Реклю, вышедшая въ свѣтъ еще при жизни знаменитаго автора „Новой всеобщей географіи". Въ ней изложены мысли, которыя навѣяны недавними событіями на Дальнемъ Востокѣ. „Недавно еще,—говоритъ Элизэ Реклю,—обсуждались планы завоеванія Китая иностранными солдатами. Теперь говорятъ о предпринятомъ японцами духовномъ завоеваніи Серединной имперіи". По мнѣнію автора, несмотря на всѣ усилія японцевъ, національный характеръ китайцевъ и ихъ нравы останутся неизмѣнными; подобно Италіи, перенесшей владычество испанскихъ королей, германскихъ и австрійскихъ императоровъ, французскихъ армій республики и имперіи, Китай можетъ въ большей или меньшей степени пострадать отъ иноземнаго вторженія, но народъ останется въ немъ неизмѣнно вѣрнымъ своей самобытной культурѣ. Этнографическая независимость его не подчинится никакому стороннему воздѣйствію.

Китайскій народъ обладаетъ неопреодолимою силою сопротивленія. Терпѣливость его безмѣрна,—и время всегда является для него самымъ надежнымъ союзникомъ.

Даже внѣ Китая, всюду, гдѣ китайцамъ удается основать прочныя колоніи, они ведутъ совершенно обособленный образъ жизни. Замкнутость, свойственная имъ, такъ велика, что они селятся или въ отдѣльномъ кварталѣ, или сооружаютъ собственный городъ. Такъ, напримѣръ, въ Сайгонѣ, въ главномъ французскомъ городѣ Индо-Китая, они возвели хижины, домики и бараки Толона, предмѣстья, заселеннаго исключительно одними китайцами; предмѣстье это изобилуетъ водопадами и каналами, по которымъ снуютъ живописныя джонки. Здѣсь они чувствуютъ себя дѣйствительными хозяевами и живутъ, несомнѣнно, въ большей безопасности, чѣмъ ихъ ближайшіе сосѣди, французскіе чиновники и солдаты, въ Сайгонѣ.

Поразительная сила сопротивленіе, которую противопоставляютъ выселившіеся изъ Небесной имперіи китайцы всякой попыткѣ ассимилировать ихъ на чужбинѣ, представляетъ столь отчетливо установленный фактъ, что на это именно свойство ихъ и указываютъ обыкновенно, какъ на главную причину воспрещенія китайцамъ эмиграціи въ Соединенные Штаты и Австралію. Многіе опасаются, что солидарность китайцевъ въ стремленіяхъ и интересахъ создастъ слишкомъ большой перевѣсъ въ ихъ пользу на всемірномъ поприщѣ соревнованія народовъ.

Истинную мощь Китая составляетъ именно то, что считаютъ, судя по внѣшности, его слабостью. Это мнимая, кажущаяся слабость. Китай лишенъ политическаго единства, создаваемаго строгою централизаціей безотчетной власти. Тѣмъ сильнѣе сплоченность, проистекающая изъ полной однородности морали, стремленій и бытового уклада, связующей въ одно цѣлое всѣ безчисленныя клѣточки огромнаго организма Серединной имперіи.

Каждая семейственная группа въ Китаѣ мыслитъ одинаково, одушевлена одними и тѣми же идеалами, противопоставляетъ всякому новшеству главную силу сопротивленія. Что за бѣда, если въ килѣ корабля въ томъ или иномъ мѣстѣ обнаружится течь, когда всѣ перегородки совершенно плотны?

По отношенію къ иноземцамъ особенно твердо придерживаются прежнихъ воззрѣній старыя китайскія фамиліи. Въ глазахъ этихъ консервативныхъ философовъ, иноземцы, обитающіе въ странахъ смежныхъ съ Небесной имперіей, вовсе не представляются такими „варварами", какими считали всѣхъ иностранцевъ самомнительные древніе эллины. Китайцы считаютъ иноземцевъ людьми, еще не усвоившими себѣ основныхъ началъ, на которыхъ покоится Серединная имперія. Они признаютъ, такимъ образомъ, какъ бы своею обязанностью—повліять словомъ и примѣромъ на сосѣдей, чтобы внушить имъ правильное пониманіе окружающихъ явленій.

Неудивительно, что китайцы, руководясь этою объединительною теоріей („Кіай-джинъ-хингъ-ти"), вовсе не имѣютъ представленія о томъ, что европейцы понимаютъ подъ словомъ „отечество". Въ китайскомъ языкѣ вовсе нѣтъ выраженія, обозначающаго это понятіе. Истинною родиной для китайцевъ представляется весь міръ, въ которомъ всѣ должны стремиться къ нормальному водворенію семейнаго и государственнаго строя, подобно тому, какъ установлено въ Серединной имперіи.

Тѣмъ не менѣе, принимая въ соображеніе все возрастающую подвижность отдѣльныхъ единицъ населенія, вслѣдствіе которой расшатывается и даже совершенно распадается семейный строй народовъ Дальняго Востока, Элизэ Реклю считаетъ возможнымъ предсказать, что они приближаются къ общественной и политической революціи, которая потрясетъ устои народной жизни гораздо глубже, чѣмъ перевороты въ Западной Европѣ, подготовленные постепеннымъ рядомъ преобразованій.

Цивилизація Китая и всѣхъ странъ, духовно зависящихъ отъ него, всецѣло обоснована на краеугольномъ камнѣ сплоченности каждой семьи. Семья является у китайцевъ предметомъ самаго усерднаго культа. Почитаніе предковъ и родителей составляетъ не только религію; культъ семьи послужилъ также руководящимъ началомъ и для всей ихъ политики. Каждая община составляется самымъ простымъ и естественнымъ образомъ изъ союза семействъ, подобно тому, какъ государство образуется изъ союза общинъ. Такая организація является источникомъ той удивительной силы сопротивленія, которую противопоставляетъ восточная цивилизація натиску новшествъ, навязываемыхъ Китаю миссіонерами, купцами и завоевателями.

Элизэ Реклю признаетъ, однако, что китайская цивилизація частью пережила себя, и что китайскій народъ пребываетъ въ состояніи упадка. Съ вѣками китайская масса усвоила себѣ тысячи суевѣрныхъ предразсудковъ, принижающихъ ея духовный уровень и парализующихъ всякій личный починъ, подчиняя его давленію обычая. Китайцу незнакомо самочувствіе человѣка, радующагося своему творчеству, полагающемуся на свои силы и стремящагося къ полной духовной свободѣ.

Китаецъ завязъ въ своихъ обычаяхъ, какъ кукла, запакованная въ вату. Онъ не отваживается дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Всякое предпріятіе его должно быть направляемо предвѣщателями и знахарями. Всѣ царства природы полны для него всяческихъ примѣтъ, съ которыми злополучный желтолицый боится не сообразоваться.

Даже китайскіе „вольнодумцы" не въ силахъ отрѣшиться отъ національныхъ предразсудковъ. Притворяясь „просвѣщенными", они, тѣмъ не менѣе, тщательно остерегаются предпринять что-либо, если усмотрятъ неблагопріятныя предзнаменованія, какъ бы ни были вздорны сами по себѣ эти примѣты. По этой же причинѣ, китайцы зачастую не соблюдаютъ назначеннаго ими же самими срока. Они весьма огорчены, что имъ не пришлось сдержать даннаго слова, убѣдительно извиняются, что не пришли во-время,—но препятствіе казалось имъ непреодолимымъ: они не могли отважиться навлечь на себя неминуемое несчастіе.

Путешественники, изумляющіеся необычайному суевѣрію китайцевъ, напрасно, однако, приписываютъ имъ чрезвычайную трусость. Во многихъ европейскихъ странахъ наблюдаются аналогичныя явленія, проявляющіяся лишь въ иныхъ формахъ. Паническій, безграничный страхъ, по мнѣнію Реклю, одинаково свойственъ европейцамъ и китайцамъ.

Суевѣріе обитателей Серединной имперіи отличается отъ предразсудковъ бѣлой расы лишь тѣмъ, что оно ближе къ природѣ, тѣснѣе связано съ нею и менѣе одухотворено, чѣмъ европейское. Явленія, играющія столь видную роль въ европейской миѳологіи, подъ видомъ дьявола, духовъ умершихъ, вампировъ и т. п., гораздо менѣе страшатъ китайцевъ,—вѣроятно, потому, что тщательно соблюдаемый культъ предковъ даетъ странѣ успокоеніе. Китайцы несравненно больше опасаются темноты и таинственныхъ земныхъ силъ, которыя легко оскорбить слабому смертному, вовсе не подозрѣвая о своемъ дерзновеніи.

Чтобы избѣгнуть такой оплошности, приходится быть всегда на-сторожѣ, устраивать, съ безконечными церемоніями, постоянные молебствія, для которыхъ приглашаютъ не бонзъ или жрецовъ, а разныхъ предвѣщателей, звѣздочетовъ, колдуновъ и т. п. шарлатановъ, увѣряющихъ, что имъ знакомы тайны земли и неба. Особенно тщательно стараются заклинать китайцы двухъ великихъ фетишей; одинъ изъ нихъ „Фенг-ши", олицетворяющій „воздухъ и воду", управляетъ окружающими насъ стихіями. Второй, великій драконъ,—является символомъ земли со всѣмъ, что животворитъ она на своей поверхности и въ своихъ нѣдрахъ.

Китаецъ старается согласовать свою жизнь съ этими могущественными силами, чтобы достигнуть гармоніи между своимъ бытомъ и всевозможными проявленіями природы. Для достиженія этой цѣли, китайцамъ пришлось бы усвоить себѣ всѣ науки. Они разрѣшаютъ вопросъ гораздо проще, соображаясь съ эмпирическимъ опытомъ, освященнымъ вѣками.

Реклю опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ писателей, будто между европейскимъ и китайскимъ мышленіемъ не можетъ быть ничего

общаго, такъ какъ самыя чувствованія расъ различны. Сближеніе между цивилизаціями будто бы неизбѣжно повело бы лишь къ ряду недоразумѣній, такъ какъ даже невозможно передать соотвѣтствующими словами точный смыслъ отдѣльныхъ выраженій.

Знаменитый французскій географъ полагаетъ, что такое положеніе вещей можетъ быть лишь временнымъ. Обоюдное пониманіе между всѣми народами достигается постепенно. Сближеніе захватываетъ все болѣе обширныя области, по мѣрѣ того, какъ умножаются точки соприкосновенія между народами. Пониманіе проявляется понемногу не только въ сферѣ мысли, но и въ общности чувства,—въ особенности, если между народами зарождается извѣстная симпатія. Купцы, старающіеся при своихъ сношеніяхъ съ китайцами выжать изъ нихъ какъ можно болѣе таэлей, миссіонеры, довольствующіеся обращеніемъ умирающихъ, солдаты, посредствомъ закалыванія туземцевъ домогающіеся отличій, конечно, нисколько не содѣйствуютъ сближенію между желтою и бѣлою расой. Высшее, истинно гуманитарное міросозерцаніе прививается народамъ иными средствами. Сближенію Китая съ западной культурой нѣсколько болѣе способствуетъ европейская промышленность, постепенно завоевывающая китайскій рынокъ. Паровыя суда, локомотивы и динамо-машины оказываютъ могущественное воздѣйствіе на китайскихъ рабочихъ. Еще болѣе сильное вліяніе окажетъ на желтую расу наука,—та истинная наука, которая наблюдаетъ, сравниваетъ и производитъ опыты; не мѣшаетъ при этомъ добавить, что европейская наука все прочнѣе укореняется въ китайскихъ школахъ.

Китайцы понемногу отвыкаютъ отъ самомнительнаго убѣжденія, будто имперія богдыхана обнимаетъ почти весь обитаемый міръ, тогда какъ „бѣлолицые черти" тѣснятся гдѣто, въ жалкомъ углу вселенной. Всѣ получившіе современное образованіе китайцы мѣняютъ направленіе своихъ мыслей; горизонтъ ихъ расширяется. Къ изученію сочиненій Конфуція и другихъ нравственныхъ философовъ они присоединяютъ занятія политической экономіей и всѣ выводы современной европейской науки.

Они пытаются даже внести коренную реформу въ свое врачебное искусство, хотя европейская медицина не располагаетъ еще удовлетворительными методами для излѣченія многихъ распространенныхъ на Дальнемъ Востокѣ болѣзней.

Все постепенно измѣняется и совершенствуется. Давно-ли,—заканчиваетъ свой очеркъ Элизэ Реклю,—китайцевъ считали совершенно неспособными воспринимать музыку нашихъ европейскихъ композиторовъ? Между тѣмъ, она восторжествовала, наконецъ, надъ китайскимъ атавизмомъ. Въ Кантонѣ, Шанхаѣ и Фучеу уже апплодируютъ—и вполнѣ основательно—„музыкѣ будущаго".

Вѣрный прогрессивнымъ убѣжденіямъ всей своей жизни, знаменитый французскій географъ вѣрилъ въ эволюцію „недвижнаго Китая". Реклю не допускалъ мысли, чтобы какая-либо страна могла уклониться отъ общенія съ современною культурой. Весь вопросъ сводится къ тому, скоро-ли произойдетъ процессъ смѣшенія. Европейская алчность создала слишкомъ много точекъ соприкосновенія съ желтою расой. Примѣръ Японіи на-лицо: островитяне Дальняго Востока доказали на дѣлѣ, что можно совершить въ сравнительно короткій срокъ, воспринявъ главныя основы просвѣщенной европейской культуры.

В. Р.

Въ трущобахъ Парижа.

1.

Нашъ соотечественникъ, знаменитый художникъ и рисовальщикъ Витгопфъ сказалъ мнѣ:

— Кварталъ Моберъ славится не только мерзавцами, каторжниками и потерянными женщинами, онъ извѣстенъ еще и своей нищетой. Такая вопіющая бѣдность, въ сравненіи съ которой обитатели вашихъ петербургскихъ угловъ покажутся крезами, а груды лохмотьевъ и тряпокъ Дантова ада—сойдутъ за утонченное щегольство...

— Monsieur Огюстъ!

„Честный монмартрскій макро" молча кивнулъ головой и зашагалъ своими длинными ногами.

Мы шли такими странными переулками, которыхъ я не встрѣчалъ ни въ Неаполѣ, ни въ Генуѣ, ни въ Марселѣ—нигдѣ.

Ни дверей, ни оконъ. Словно зажали васъ между двумя безконечными, безъ оконъ и дверей, стѣнами. И безъ того черная ночь, а въ этихъ гранитныхъ тискахъ сплошная кромѣшная темень.

Въ двухъ шагахъ отъ меня расплывались очертанія широкоплечаго приземистаго Витгопфа и высокаго, костляваго Огюста.

И въ то же время вспыхивалъ, до жуткаго содроганія, ярко вспыхивалъ предъ глазами образъ графини съ краснымъ, пылающимъ отъ пощечины лицомъ и съѣхавшей на бокъ шляпой. А вѣдь, недавно еще гордая, недоступная принимала она сливки Парижа въ своемъ салонѣ, и чопорные дипломаты со стеклышками учтиво склонялись къ ея бѣлой, выхоленной ручкѣ своими безукоризненными проборами.

Но кто знаетъ, когда счастливѣй она была —тогда или теперь; сейчасъ, униженная, растоптанная въ грязи, но любящая съ такой сумасшедшей всепрощающей беззавѣтностью?

Мы всѣ трое вдругъ сгинули въ какомъ то отверстіи,—не то дверь, не то раскрытый зѣвъ каменнаго чудовища. И стало такъ темно, что густой сумракъ ночи показался бы прозрачной вечерней дымкой.

Разомъ вспыхнули двѣ восковыя спички. Два жалкихъ, мигающихъ огонька не въ силахъ были выхватить многое у сырого, простуженнаго мрака. На влажныхъ каменныхъ стѣнахъ затрепетали на мгновеніе и безшумно поглотились тьмою наши уродливыя тѣни.

— Осторожнѣй, начинаемъ спускаться,— предупредилъ Огюстъ.

Нащупывая ногами скользкія плиты, держась за мокрыя стѣны, мы долго шли внизъ, освѣщая дорогу быстро гаснущими спичками. Дикія мысли приходили въ голову: что идешь навстрѣчу какой-то страшной тайнѣ, что отсюда не выбраться никогда, и никогда больше не увидѣть теплаго, блещущаго солнца...

Еще коридоръ, еще ступень. Впереди желтый и слабый—вотъ-вотъ погаснетъ сейчасъ, свѣтъ крохотной лампочки.

Господи, какой тяжелый воздухъ и какъ трудно, мучительно трудно дышать въ этихъ пустынныхъ, извилистыхъ катакомбахъ, населенныхъ призрачными тѣнями! Запахло человѣческимъ мясомъ. Да, именно, человѣческимъ мясомъ,—испорченнымъ, разлагающимся...

2.

О, культурный, залитый моремъ электричества Парижъ съ его бульварами, Елисейскими полями, Лувромъ, Тюльери и площадью Согласія. Неужели здѣсь, въ Парижѣ,—великолѣпномъ Парижѣ—этотъ азіатскій клоповникъ?! И это не сонъ, не бредъ, не давящій кошмаръ, а дѣйствительность.

Каменный ящикъ, ящикъ въ буквальномъ смыслѣ слова, безъ оконъ, безъ утвари, безъ намека на мебель. Онъ набитъ, онъ кишитъ людьми, если только можно назвать людьми эти скелеты подъ грудами смраднаго тряпья и лохмотьевъ. Знаменитый рисовальщикъ правъ. Обитатели петербургскихъ угловъ— крезы въ сравненіи съ этими... людьми.

Цѣлыми годами, скучными, липкими, безпросвѣтными спятъ они, не смѣя вытянуться. Для нихъ—это безумная роскошь—привилегія аристократовъ. Нѣтъ мѣста. Они дремлютъ, сидя, скорчившись и,—это ужъ удѣлъ счастливца,—полулежа.

Вонъ плоское, все въ язвахъ, безобразное лицо. Вмѣсто носа—зіяетъ дыра.

На фонѣ красныхъ бугорчатыхъ струпьевъ лихорадочные глаза безъ бровей и рѣсницъ. Вокругъ него—пусто. Своими язвами онъ завоевалъ себѣ право лежать въ одиночествѣ. И онъ лежитъ, вращая глазами, какъ звѣрь, затравленный, отвратительный, одинокій. Сплошная шевелящаяся язва! Еслибъ художникъ написалъ его въ этомъ колеблющемся полутонѣ—написалъ съ безпощадной правдой и выставилъ,—элегантныя нарядныя женщины упали бы въ обморокъ. Витгопфъ не терялъ времени. Его мастерской карандашъ набрасывалъ ужасную композицію.

Лохматый, грязно сѣдой старикъ. Все лицо его, вся голова—густые пучки сбившихся слипшихся волосъ. Такъ заростали первобытные люди. На полу передъ нимъ — горка заплеванныхъ папиросныхъ и сигарныхъ окурковъ. Коричневыми пальцами,—трудно впрочемъ опредѣлить ихъ цвѣтъ, онъ ссыпаетъ табакъ въ оторванный клочекъ газетной бумаги.

И я вспомнилъ, что встрѣчалъ это чудовище на большихъ бульварахъ. Вотъ и орудіе его—палка съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ. Ловкимъ привычнымъ движеніемъ вонзалъ онъ ее въ каждый валявшійся окурокъ. Эта почернѣвшая, заплеванная труха — его табакъ,—его хлѣбъ и ночлегъ въ каменномъ ящикѣ. Потребителей много.

Подъ лампочкой стоитъ совершенно голый человѣкъ, худой, какъ голодающій индусъ. Кости обтянуты черной отъ грязи кожей. Насѣкомыя заѣдаютъ его. Онъ сбросилъ остатки своихъ жалкихъ лохмотьевъ и со свирѣпой ожесточенностью весь ушелъ въ охоту... Но этого мало: съ безсильной злостью онъ щелкаетъ зубами, какъ собака. Лицо искривилось. На шеѣ у подбородка задвигались подъ кожей катушки. Онъ хватаетъ лампочку и нагибаясь, корчась, рыча, жжетъ свое тѣло..

Послѣднее средство!..

Тяжелый воздухъ туманитъ и кружитъ мнѣ голову. Не по себѣ и Витгопфу. Онъ опустилъ карандашъ и, блѣдный, блѣдный, прислонился къ стѣнѣ.

— Огюстъ,—воздуху, ради Бога, воздуху!

Молча, не обмѣнявшись словомъ, угнетенные, придавленные шли мы назадъ.

Получивъ свои десять франковъ, честный монмартрскій макро отвѣсилъ намъ развязный поклонъ и скрылся. Витгопфъ тихо, но какъ то значительно и глубоко спросилъ меня.

— Видѣли?..

И одно короткое слово было сильнѣе, серьезнѣе многихъ трескучихъ, полныхъ соболѣзнованія фразъ.

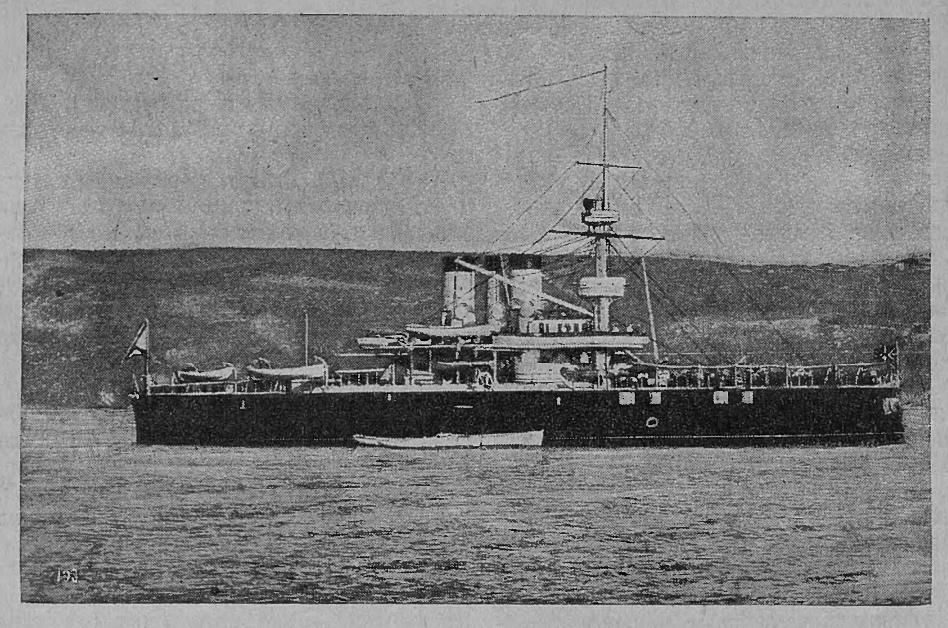
3.

Но и этимъ не окончились впечатлѣнія нашей ночи.

Было свѣжо, почти холодно. Поблѣднѣла мгла. Въ блѣднѣющемъ небѣ свѣтились молочныя звѣзды. Выплывали контуры домовъ, цер-

Контръ-адмиралъ А. Х. Кригеръ.

Броненосецъ черноморской эскадры „Георгій Побѣдоносецъ".

Съ фотографіи Н. Ольшанскаго, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

квей. Уходили въ перспективу прямыя улицы. Уходили, теряясь, какъ въ безконечности. Стояла чуткая, мертвенная тишина близящагося утра. Шаги наши звучали одиноко, затерянно...

Надвинувъ на самыя брови клеенчатые цилиндры, дремали на козлахъ своихъ фіакровъ мордастые кошэ.

Видгопфъ вскинулъ на меня свои черные глаза энергичные, молодые, прекрасные.

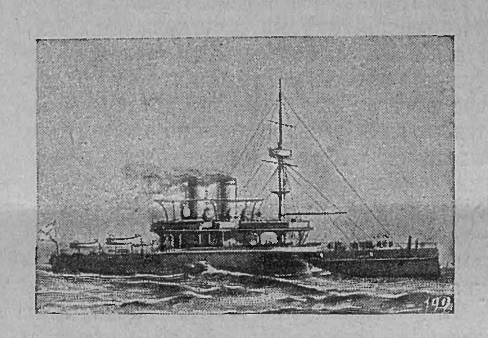
— Куда же теперь?.. По домамъ не стоитъ. Рано. Рано потому, что слишкомъ поздно. Въ такія ночи, вѣрнѣе на разсвѣтѣ, жаль утерянныхъ мгновеній. Спать,—это не уйдетъ. Хочется жить какой-то особой свѣжей жизнью, жаждешь ощущеній. Куда бы сейчасъ. Ахъ, да, вспомнилъ, это будетъ для васъ интересно.

— Что такое?

— Вотъ посмотрите. Не скажу теперь.

Мы видѣли подонки Парижа развратнаго, буйнаго, грязнаго. Видѣли голодную нищету, послѣднюю степень ея,—дальше смерть. А теперь я вамъ покажу пресыщенныхъ. Ѣдемъ...

Отрывочныя смутныя настроенія, легкій баюкающій стукъ по асфальту колесъ извозчичьяго фіакра... Впереди—не то фантастическая дверь, не то арка. Тамъ огонь. Онъ приближается, растетъ... Площадь... Чѣмъ-то чернымъ, шевелящимся покрыта она... Мычанье, лязгъ цѣпей. Сбившееся стадо быковъ. Они столпились у бойни и съ тяжелой лѣнивой покорностью ждутъ своей очереди. Въ сумеркахъ гаснущей ночи они мнятся какими-то легендарными буйволами. И почудилось на мгновеніе, что это не Парижъ, не двадцатый вѣкъ, а одна изъ кочующихъ дикихъ ордъ на зарѣ человѣчества.

Броненосный корабль „Императрица Екатерина II".

И тутъ же послѣднее слово культуры—вытянулась маленькая вереница изящныхъ колясокъ съ ливрейными кучерами, стройными англизированными лошадьми, дорогой поблескивающей упряжью.

Я вопросительно взглянулъ на Видгопфа.

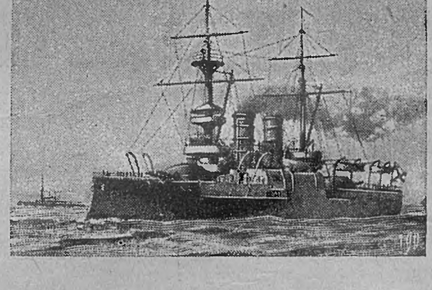
— Минутку терпѣнія—отозвался онъ.

Рогатыя головы шевелились, какъ черныя волны...

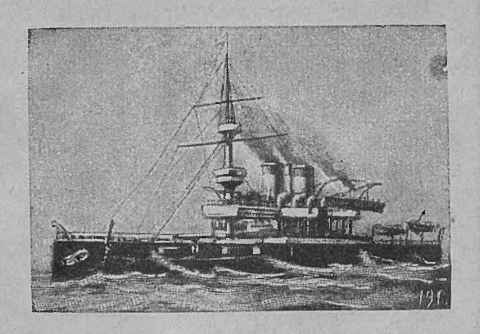
Здоровый запахъ большихъ и сильнымъ животныхъ охватилъ насъ. Длинная галлерея бойни, какъ шахматное поле, дѣлилась правильными квадратными станками. Въ каждомъ станкѣ обреченный на смерть, безпокойно вращающій крупными бѣлками, быкъ.

Мѣсто стоянки флота въ Севастополѣ.

Броненосный корабль „Двѣнадцать Апостоловъ".

Броненосный корабль „Синопъ".

Къ событіямъ на югѣ Россіи.

Огромный мясникъ-Голіафъ выросъ на нашемъ пути. Видгопфъ ткнулъ ему что-то въ широкую ладонь.

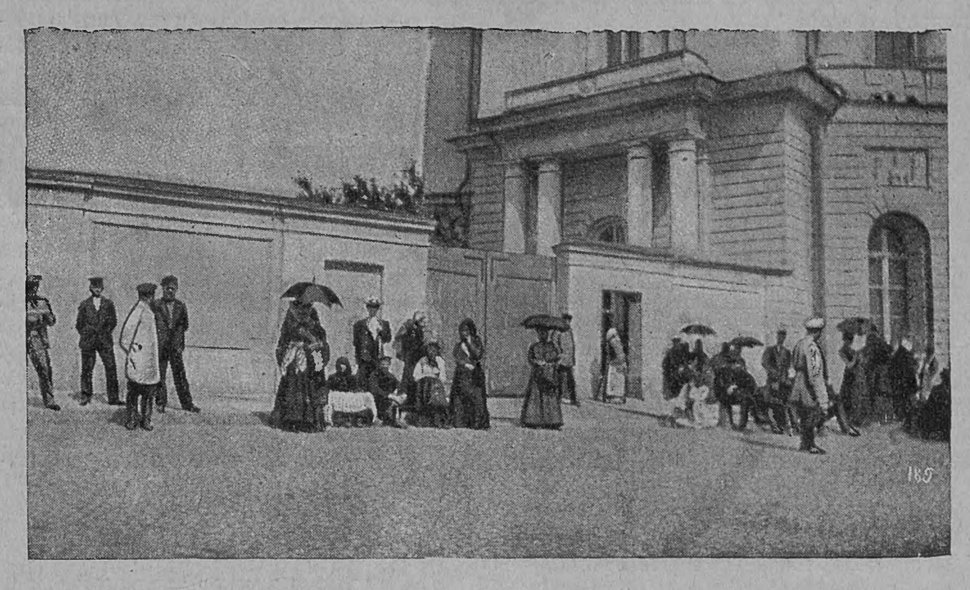
— Oui, par isi les boeufs—закивалъ онъ ушедшей въ могучія плечи головой. Въ карманѣ его широкихъ штановъ исчезла монета...—...Имъ завязываютъ глаза, потомъ берутъ молотокъ, длинный острый молотокъ... одинъ ударъ по черепу, но это еще не все, далеко не все, нужно проникнуть въ мозгъ и повернуть тамъ. Что же касается барашковъ...

Мы не слушали... Рисовальщикъ дернулъ меня за рукавъ.

4.

На фонѣ дикой варварской обстановки цвѣтнымъ пятномъ сгруппировалось нѣсколько мужчинъ и женщинъ. Мужчины въ цилиндрахъ, въ бѣлыхъ жилетахъ, съ бутоньерками въ петлицахъ. Дамы въ кружевахъ, въ богатыхъ широкихъ шляпахъ. И всѣ онѣ тонкія, измученныя. Блѣдныя усталыя лица, подъ глазами темные круги...

Они столпились вокругъ барашка, распластаннаго, безпомощнаго, бьющаго воздухъ

Примутъ или нѣтъ?—Родные запасныхъ, ожидающіе противъ Михайловскаго манежа исхода явки.

Проводы запасныхъ передъ явкою.

своими копытцами,—голова висѣла въ воздухѣ. Обычно глупая голова, теперь одухотворенная страданіемъ. Ужасъ въ стеклянныхъ глазахъ, которые за минуту до смерти сдѣлались человѣческими.

— Oh! c'est horrible..—прошепталъ чей-то голосъ изъ тонкихъ пѣнящихся кружевъ.

Сверкнулъ широкій острый ножъ и мягко врѣзался въ теплое мѣховое горло. Что-то хрустнуло, брызнула кровь.

Бѣлыя, холеныя руки въ кольцахъ потянулись вдругъ со стаканами. И густая темно красная горячая кровь, окрашивая эти прозрачныя стекла, наполняла ихъ до краевъ.

И мужчины въ цилиндрахъ и бѣлыхъ жилетахъ, и женщины въ кружевахъ пили эту кровь, какъ ликеръ, пили, смакуя, короткими глотками.

Какой-то безусый молодой человѣкъ, почти юноша, видимо „новичекъ", не могъ пить. Онъ нѣсколько разъ подносилъ къ губамъ стаканъ, дрожавшій въ его пальцахъ, и расплескивалъ кровь.

— Pierre, c'est délicieux—ободряла его холодная рыжая красавица.

Онъ умоляюще посмотрѣлъ на нее.

— Bois, bois, je le veux.

Но онъ все-таки еще колебался.

Тогда она выхватила стаканъ и быстрымъ движеніемъ поднесла къ его губамъ. Онъ отступилъ. Кровь забрызгала и галстухъ его, и бѣлый жилетъ. Онъ вздрогнулъ... Онъ походилъ на убійцу.

Рыжая красавица смѣялась:

— Нѣтъ лучшаго опьяненія!.. Нѣтъ!...

* * *

— Это ужасно!—вырвалось у меня.

— Это каждую ночь,—прошепталъ Видгопфъ—одинъ изъ обычныхъ дессертовъ, которымъ извѣстная часть золотой молодежи заканчиваетъ свои кутежи и дебоши. Въ этой крови она черпаютъ силу для новыхъ оргій.— Не правда-ли какой чудовищный атавизмъ?. Подъ этими смокингами и кружевами чувствуешь звѣриныя шкуры, въ которыя одѣвались ихъ далекіе пращуры...

Художникъ вынулъ альбомъ и сталъ рисовать. Мы покинули бойню—уже свѣтало. Насытившаяся кровью публика разсаживалась по колмскамъ. Послѣдними уѣхали рыжая красавица и юноша съ почернѣвшей запекшейся кровью на жилетѣ.

Группа запасныхъ, явившихся послѣ суточнаго отпуска.
Металлическая буква „З" на фуражкѣ означаетъ, что запасный принятъ.

Къ мобилизаціи въ С.-Петербургѣ.—Въ Михайловскомъ манежѣ.

Со снимковъ нашего фотографа, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

— Видгопфъ, полицейскій пожалуй еще остановитъ его?

Художникъ махнулъ рукой.

— Нѣтъ, они привыкли.....

Наша парижская ночь кончилась.

Н. Брешко-Брешковскій.

Парижъ.

Эстетика войны.

Извѣстный германскій публицистъ Рудольфъ Лотаръ затронулъ въ послѣдней своей статьѣ, помѣщенной въ газетѣ „Berliner Tageblatt“, интересный вопросъ объ эстетическомъ впечатлѣніи, производимомъ прежнимъ и нынѣшнимъ способомъ веденія войны.

„Война,—говоритъ Рудольфъ Лотаръ,—превратилась нынѣ въ состязаніе техники. Машины воюютъ съ машинами. Каждая армія является только машиною. Полководецъ скрывается въ тылу и, оставаясь невидимымъ, издалека руководитъ движеніями огромнаго механизма. Сражающіяся войска почти не видятъ другъ друга. Они стрѣляютъ потому, что имъ отдаютъ приказъ стрѣлять. Солдаты стоятъ подъ градомъ пуль, не видя непріятеля, который ихъ убиваетъ“.

„Гдѣ тѣ времена,—восклицаетъ далѣе цитируемый нами авторъ,—когда арміи стояли другъ противъ друга, обмѣниваясь смѣлыми вызовами передъ тѣмъ, какъ скрестить оружіе? Современная война несовмѣстима съ позировкой. Нынѣшній солдатъ обязанъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы оставаться невидимымъ для противника“.

Искусство, словесное или изобразительное, не находитъ больше благодарнаго матеріала на полѣ битвы. Воинъ пересталъ быть героемъ романическаго вымысла. „Что можетъ сдѣлать искусство,—спрашиваетъ Рудольфъ Лотаръ,—изъ солдатъ, лишенныхъ собственной воли, утратившихъ свою индивидуальность подъ давленіемъ дисциплины, переставшихъ быть людьми, превратившись въ составныя части машины? Напрасно сталъ бы искать современный художникъ тѣхъ чувствъ, которыя побуждали нашихъ предковъ черпать мотивы для творчества изъ войнъ и сраженій“.

Воинственный пылъ прежнихъ поколѣній отошелъ въ область преданій,—вмѣстѣ съ былою лихостью, безпечностью и жизнерадостностью военнаго героизма. Война,—какъ справедливо замѣчаетъ нѣмецкій публицистъ,—превратилась въ страшное бѣдствіе, дѣйствительность ея ужасна. Тотъ человѣкъ, который первый съ безусловною искренностью высказалъ это въ лицо цѣлому свѣту, похороненъ нынѣ въ пучинахъ моря. Между тѣмъ, Верещагинъ, быть можетъ, былъ единственнымъ изъ очевидцевъ русско-японской войны, который смотрѣлъ на нее глазами художника“.

Современную войну ведутъ незримыя силы. Это сказывается ярче всего на водѣ, во время морской битвы. Огромныя броненосныя машины сталкиваются между собою, точно на нихъ вовсе нѣтъ человѣка. Прежніе художники превозносили войну, потому что она давала возможность людямъ выказать передъ лицомъ смерти свои возвышеннѣйшія, индивидуальныя свойства. Въ настоящее же время человѣкъ долженъ заглохнуть въ солдатѣ, чтобы послѣдній могъ дѣйствовать, какъ хорошо пригнанная часть отлично сложеннаго автоматическаго механизма. Личный героизмъ, подъемъ духа, смѣтливость и смѣлость перестали рѣшать участь сраженій. Примѣры истиннаго мужества приходится поэтому художникамъ изыскивать въ другихъ областяхъ человѣческихъ отношеній.

Однако, искусство и, въ особенности, литература не могутъ отказаться отъ воспроизведенія войнъ и сраженій. Но прежнія хвалебныя оды въ честь прославленныхъ полководцевъ смѣнились скорбными и негодующими повѣствованіями объ „ужасахъ войны“. Воспѣтая льстивыми стихотворцами былыхъ временъ, война ждетъ уже своего окончательнаго развѣнчанія. Оно не за горами. Задорные возгласы шовинистовъ, подстрекающихъ націи къ массовымъ убійствамъ, звучатъ все глуше и глуше; даровитѣйшіе изъ европейскихъ писателей не перестаютъ внушать современному обществу, что преступность и позоръ войны принижаютъ одинаково и побѣдителей, и побѣжденныхъ. Современное искусство и искусство будущаго заставятъ прозрѣть даже слѣпыхъ: при свѣтѣ ихъ всѣ поймутъ, что война,—война, какъ она есть,—отвратительна и ужасна.

Страна царицы Савской.

Іеменъ, возстаніе котораго угрожаетъ нынѣ не только калифату турецкаго султана, но и самому существованію Оттоманской имперіи, въ библейскія времена былъ тѣмъ самымъ государствомъ, изъ котораго прибыла къ Соломону пышная царица Савская.

Въ настоящее время Іеменъ болѣе извѣстенъ въ качествѣ страны, въ которой находится Мокка, откуда получается любителями наилучшій кофе. Мокка, однако, не родина этого драгоцѣннаго растенія. Оно завезено въ Аравію изъ тропической Африки, по всей вѣроятности, тѣми мореплавателями, которые около четырехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ ѣздили изъ Аравіи въ страну Офиръ, откуда вывезли, кромѣ золота, много рѣдкихъ растеній, душистыя смолы, павлиновъ, обезьянъ и негровъ.

Царство саваитовъ существовало въ Іеменѣ болѣе тысячелѣтія, съ 1500 по 300 г. до Р. Хр. Религія ихъ заключалась въ поклоненіи лунѣ и звѣздамъ. Вавилонъ, повидимому, позаимствовалъ у нихъ свой культъ поклоненія звѣздамъ. Исторія путешествія Савской царицы къ Соломону свидѣтельствуетъ о предпріимчивости саваитовъ и, судя по торжественности пріема, оказаннаго царицѣ,—о блескѣ ея престола.

Тысячу лѣтъ позднѣе въ странѣ ея воцарились іудейскіе властители. Затѣмъ, древнее царство было нѣкоторое время подвластно Египту, во второмъ же вѣкѣ до Р. Хр. было завоевано эѳіопами, нынѣшними абиссинцами. Абиссинскій негусъ Менеликъ, въ воспоминаніе объ этомъ захватѣ, донынѣ причисляетъ къ своимъ титуламъ наименованіе царя Іемена и Гадрамаута. Древняя арабская династія Іемена, Гимжариты, неоднократно пыталась сбросить иноземное иго. Въ то время господствующею религіей въ Іеменѣ былъ іудаизмъ. Многія семейства знатныхъ и богатыхъ евреевъ переселились туда изъ Александріи. Предсказаніе о пришествіи Мессіи пришлось по душѣ арабскому народу, отвѣчая тайнымъ стремленіямъ его къ освобожденію отъ иноземнаго владычества. Нынѣшнее освободительное движеніе въ Іеменѣ является, въ извѣстной степени, отголоскомъ древнихъ вѣрованій, исходитъ изъ самой души порабощеннаго турецкимъ столѣтіемъ народа.

Въ четвертомъ столѣтіи Абиссинія, пріобщенная къ христіанству проповѣдниками изъ Египта, стала вновь стремиться завладѣть Іеменомъ. Христіанскіе императоры Византіи помогали въ этомъ предпріятіи абиссинцамъ деньгами и войсками. Въ 525 г., послѣ кровопролитной борьбы, Іудейско-Савское царство было уничтожено; въ этой войнѣ погибъ послѣдній царь савскій, Іосифъ Дгу-Нуасъ.

Два столѣтія спустя, Іеменъ подчинился исламу. Бедуинская знать, съ туземными шейхами во главѣ, никогда не признавала полной зависимости отъ чужеземной власти. Среди нихъ донынѣ живутъ потомки князей Гимяритовъ, прежнихъ властителей савскихъ.

Англія давно уже пользовалась ненавистью арабовъ къ ихъ притѣснителямъ—туркамъ, чтобы распространить сферу своего вліянія изъ Адена по направленію къ Іемену. Было бы, однако, крайне неосновательнымъ приписывать нынѣшнее возстаніе арабовъ исключительно внѣшней интригѣ,—какъ дѣлаетъ это, напримѣръ, распространенная германская газета „Frankfurter Zeitung“. Такого рода народныя движенія, подготовленныя вѣками зависимости отъ малокультурныхъ завоевателей, возникаютъ стихійно, не только благодаря способствующимъ, но и вопреки препятствующимъ обстоятельствамъ. Весьма вѣроятно, что возстаніе арабовъ находится въ извѣстной нравственной связи съ побѣдами японцевъ, взволновавшими болѣе или менѣе всѣхъ азіатовъ. Если „недвижный Китай“ приступилъ къ кореннымъ реформамъ, убѣдившись, что такого рода преобразованія возвели Японію на уровень великой державы, то можно ли удивляться освободительному стремленію среди арабовъ, давно уже мечтавшихъ объ отпаденіи отъ косной Турціи?

Съ этой точки зрѣнія, національное возрожденіе Іемена является весьма грознымъ симптомомъ и для самой Англіи, предвѣщая внутреннія осложненія въ Индіи,—осложненія, болѣе опасныя для британскаго владычества, чѣмъ фантастическій призракъ русскаго вторженія.

Милліардеры забавляются.

Въ то время, когда трудящійся людъ во всѣхъ странахъ міра напрягаетъ свои силы, чтобы обезпечить себѣ насущный кусокъ хлѣба, потерявшіе счетъ деньгамъ американскіе милліонеры изощряются въ изобрѣтеніи развлеченій подороже и „почуднѣе“. Они не удовлетворяются тѣмъ, что раздражаютъ своихъ соотечественниковъ нелѣпою расточительностью и роскошью дурного тона. Бахвальство несмѣтнымъ богатствомъ перенесено нынѣ американцами и въ чужія страны.

Одинъ изъ нью-іоркскихъ милліардеровъ удивилъ на дняхъ Лондонъ фантастическимъ празднествомъ, обошедшимся въ огромную сумму. Англійскія газеты съ изумленіемъ повѣствуютъ объ этомъ „событіи“, повидимому, сочувствуя эксцентрической затѣѣ мечтающаго о всесвѣтной рекламѣ толстосума. Внутренній дворъ зданія, въ которомъ поселился разбогатѣвшій янки, былъ покрытъ цементомъ. Этотъ искусственный бассейнъ наполнили водою. Глубина образовавшагося такимъ образомъ пруда достигала шестидесяти сантиметровъ. На воду, освѣщенную электричествомъ a jiorno, были спущены двѣ пышно разукрашенныя, утопающія въ дорогихъ цвѣтахъ гондолы. На одной изъ нихъ былъ сервированъ для приглашенной милліардеромъ компаніи лукулловскій обѣдъ. Въ числѣ двадцати пяти гостей находились двѣ артистическихъ знаменитости, французская актриса Режанъ и итальянскій теноръ Каруссо. Какія цѣны заломили эти артисты за свое присутствіе съ американскаго самодура, газеты не сообщаютъ. Надо, однако, полагать, что они не положили на руки охулки. На другой гондолѣ помѣщался оркестръ. Стѣны, прилегающія къ превращенному въ озеро двору, были расписаны извѣстными художниками, изобра-

зившими на нихъ сцены изъ венеціанской жизни. Для довершенія иллюзіи, надъ гондолами летали морскія птицы, а вокругъ пирующихъ плескались лебеди и утки... Чего не сдѣлаешь за деньги! Нэизвѣстно только, были-ли оплачены также веселость и доброе расположеніе гостей, согласившихся сыграть роль добровольныхъ статистовъ въ этой мѣщанской комедіи. Можно предположить, что богатый янки умышленно расхвастался своею расточительностью, чтобы тѣмъ ярче оттѣнить чудовищную нищету лондонской черни.

ЧЕТВЕРТЫЙ МИЛЛІОНЪ ЖИТЕЛЕЙ ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ.

Въ Нью-Іоркѣ производится въ настоящее время перепись населенія. Судя по уже произведенному приблизительному подсчету, число жителей грандіознаго американскаго города достигло уже полныхъ четырехъ милліоновъ. Въ это число вошло и населеніе прилегающихъ къ Нью-Іорку предмѣстій—Бруклина, Нью-Джерсея и др. Приростъ населенія въ Нью-Іоркѣ поражаетъ своею быстротою и огромными размѣрами: 1750-мъ году Нью-Іоркъ имѣлъ всего 10,380 жителей, въ 1800-мъ—60,480, въ 1830-мъ — 203,000, въ 1850-мъ—515,000, въ 1890-мъ, (вмѣстѣ съ Бруклиномъ и Лонгъ - Ислендъ - Сити) 2,885,000 жителей. За послѣдніе 15 лѣтъ населеніе Нью-Іорка увеличилось больше, чѣмъ на милліонъ человѣкъ (больше, чѣмъ на одну треть). Одинъ только Лондонъ превосходитъ его нынѣ по численности населенія. Въ будущемъ, очевидно крупные промышленные центры превратятся въ своеобразныя государства, которыя, быть можетъ, выработаютъ новыя, болѣе совершенныя условія экономической и общественной жизни.

Японскія жены.

Французскій журналистъ, Шарль Петти, издалъ недавно, подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ „Страна мусмэ—страна войны“ („Pays de mousmes—pays de guerre“), рядъ интересныхъ набросковъ, живописующихъ нравы японцевъ.

„Пренебреженіе, выказываемое нѣкоторыми японцами къ ихъ маленькимъ женамъ,—говоритъ онъ,—поразительно. Я видѣлъ богатыхъ японцевъ, комфортабельно устраивавшихся въ купэ перваго класса, тогда какъ жены ихъ были вынуждены отыскивать себѣ мѣсто въ вагонахъ третьяго класса. Въ японскомъ обществѣ, какъ среди аристократіи, такъ и у простонародья, хорошій тонъ требуетъ не выказывать никакого вниманія по отношенію къ женщинамъ.

Я присутствовалъ неоднократно при проводахъ войскъ на войну. Дисциплина войскъ такова, что на вокзалѣ народъ безпрепятственно смѣшивался съ солдатами—и никакого безпорядка не происходило. И вотъ, всѣ, офицеры, унтеръ-офицеры и рядовые, прощались съ мужчинами, родственниками и друзьями, прощались, быть можетъ, навсегда,—но ни одинъ изъ нихъ, повидимому, не обращалъ никакого вниманія на присутствіе женщинъ. А между тѣмъ, тутъ же въ толпѣ находились ихъ матери, жены, сестры и дочери.

Эти бѣдныя женщины сдерживали свое волненіе, стараясь не заплакать. Онѣ стояли неподвижно и хранили молчаніе, согласно героическому древнему правилу: женщины не должны проливать слезъ; при отъѣздѣ воиновъ, имъ разрѣшается только почтительно восхищаться мужествомъ героевъ.

Когда поѣздъ тронулся среди грома возгласовъ „банзай“, всѣ женщины преклонились почти до земли, привѣтствуя ѣдущихъ умереть за отечество. Ни одна изъ японокъ не подняла головы, чтобы бросить послѣдній прощальный взоръ на существо, дорогое ея сердцу.

Эти проводы показались мнѣ величавыми—и. вмѣстѣ съ тѣмъ, чудовищными! Несмотря, однако, на нѣкоторое содроганіе, внушенное мнѣ этимъ зрѣлищемъ, я не могъ не подумать, что эти маленькія японки—достойныя представительницы благородной расы. Способныя героически подавлять свои чувства, онѣ далеко не похожи на куколъ, которыми считаютъ ихъ во Франціи“.

Послѣднее замѣчаніе Шарля Петти характерно не для японокъ, а именно для французовъ. Съ присущею этой націи самомнительностью, они смотрятъ свысока на всѣ остальные народы, всегда чрезвычайно удивляясь, когда обнаруживается, что тѣ сморкаются не сапогами и лакомятся—не сальною свѣчкой.

„Безъ ордена—и съ орденомъ“.

Курьезный случай произошелъ недавно въ Будапештѣ, взволнованномъ предстоящимъ разрывомъ уніи между Австріей и Венгріей.

Вышедшій въ отставку венгерскій кабинетъ Тиссы, наслѣдникомъ которому выступилъ на - дняхъ столь неудачно Фейервари, явился во дворецъ на прощальную аудіенцію. Когда министры поднимались по лѣстницѣ, гофмейстеръ Франца-Іосифа встревоженно вышелъ къ нимъ навстрѣчу и воскликнулъ:

— Господа, вы поступили крайне опрометчиво. Вы надѣли ваши орденскія ленты. Между тѣмъ, теперь при дворѣ трауръ. Во время траура этикетъ воспрещаетъ представляться въ орденскихъ лентахъ!

Министры Лукачъ, Гіероними и графъ Куенъ - Гедервари, дѣйствительно, явились въ орденскихъ лентахъ.

— Не бѣда,—возразилъ Лукачъ,—я прикрою свою ленту.

Онъ застегнулъ фракъ на пуговицы—лента исчезла. Примѣру его послѣдовалъ и Гіеронимн. Графъ Гедервари снялъ орденъ и спряталъ его въ карманъ.

Тисса повелъ отставныхъ министровъ дальше. Въ пріемной къ нимъ подбѣжалъ гофмаршалъ и съ волненіемъ воскликнулъ:

— Что вы надѣлали! На прощальной аудіенціи обязательно являться въ орденскихъ лентахъ.

Лукачъ засмѣялся.

— Хорошо, что я прихватилъ на всякій случай свою ленту,—сказалъ онъ,—и растегнулъ свой фракъ.

Карлъ Гіеронимн также мгновенно оказался при орденѣ. Графъ Гедервари вынулъ ленту изъ кармана и снова надѣлъ ее.

Вышедшіе въ отставку венгерскіе министры донынѣ не разрѣшили вопроса: который же изъ придворныхъ былъ правъ? Слѣдовало явиться при лентѣ, или не слѣдовало? При частой смѣнѣ министровъ въ Венгріи, неопредѣленность въ столь важномъ вопросѣ крайне удручительна. Одинъ только бывшій президентъ-министровъ Тисса остался невозмутимымъ: онъ явился и ушелъ безъ ленты. Ему было нетрудно выпутаться изъ затруднительнаго положенія: у него вовсе не было орденской ленты!

Китайскіе портреты Лютера, Кальвина и Эразма Роттердамскаго.

Въ Лондонѣ распродавалась недавно съ аукціона цѣльная коллекція фарфоровыхъ издѣлій. Въ числѣ ихъ особенное вниманіе любителей обратили на себя нѣкоторыя китайскія вещи, свидѣтельствующія, что обитатели Серединной имперіи отлично могутъ приспособляться къ требованіямъ европейскаго рынка. Старинный, красиво отдѣланный голубой чайный приборъ былъ проданъ за 2500 р. Еще дороже были оцѣнены три китайскихъ вазы, съ превосходно воспроизведенными, по стариннымъ нѣмецкимъ гравюрамъ, портретами Лютера, Кальвина и Эразма Роттердамскаго. Вообще, въ области примѣненія искусства къ промышленности, желтая раса нисколько не уступаетъ бѣлой. Мало доступнымъ обитателямъ Дальняго Востока остается лишь идейное искусство, требующее вдохновеннаго обобщен я дѣйствительности и воплощенія глубокаго замысла въ яркій символъ.

РИМЪ ВЪ 1915 г.

Подъ этимъ заглавіемъ въ Римѣ вышелъ въ свѣтъ романъ, написанный однимъ изъ кардиналовъ, занимающимъ видное положеніе въ папской куріи. Романъ изложенъ весьма популярно и, повидимому, расчитанъ на широкій кругъ читателей. Въ немъ будущность Рима очерчена самыми розовыми красками. Авторъ полагаетъ, что черезъ десять лѣтъ „Вѣчный городъ“ вступитъ въ періодъ небывалаго расцвѣта, благодаря примиренію папства съ королевскою властью. Очевидно, въ Ватиканѣ образовалась вліятельная партія, старающаяся примирить его съ Квириналомъ. Примиреніе это изображено символически на объявленіи о выходѣ въ свѣтъ сенсаціоннаго романа: папа Пій X-й и король Викторъ-Эммануилъ представлены дружелюбно пожимающими руки другъ другу. Плакатъ съ этимъ изображеніемъ въ настоящее время расклеенъ на углахъ всѣхъ улицъ Рима. Реклама въ двадцатомъ вѣкѣ объединяетъ все,—даже такія силы, которыя недавно еще казались взаимно исключающими другъ друга.

УЛИЦА МАКСИМА ГОРЬКАГО.

Во Франціи, въ департаментѣ Іонны, въ одномъ изъ старѣйшихъ французскихъ городовъ, Санъ, возбужденъ вопросъ о названіи одной изъ улицъ—улицею Максима Горькаго.

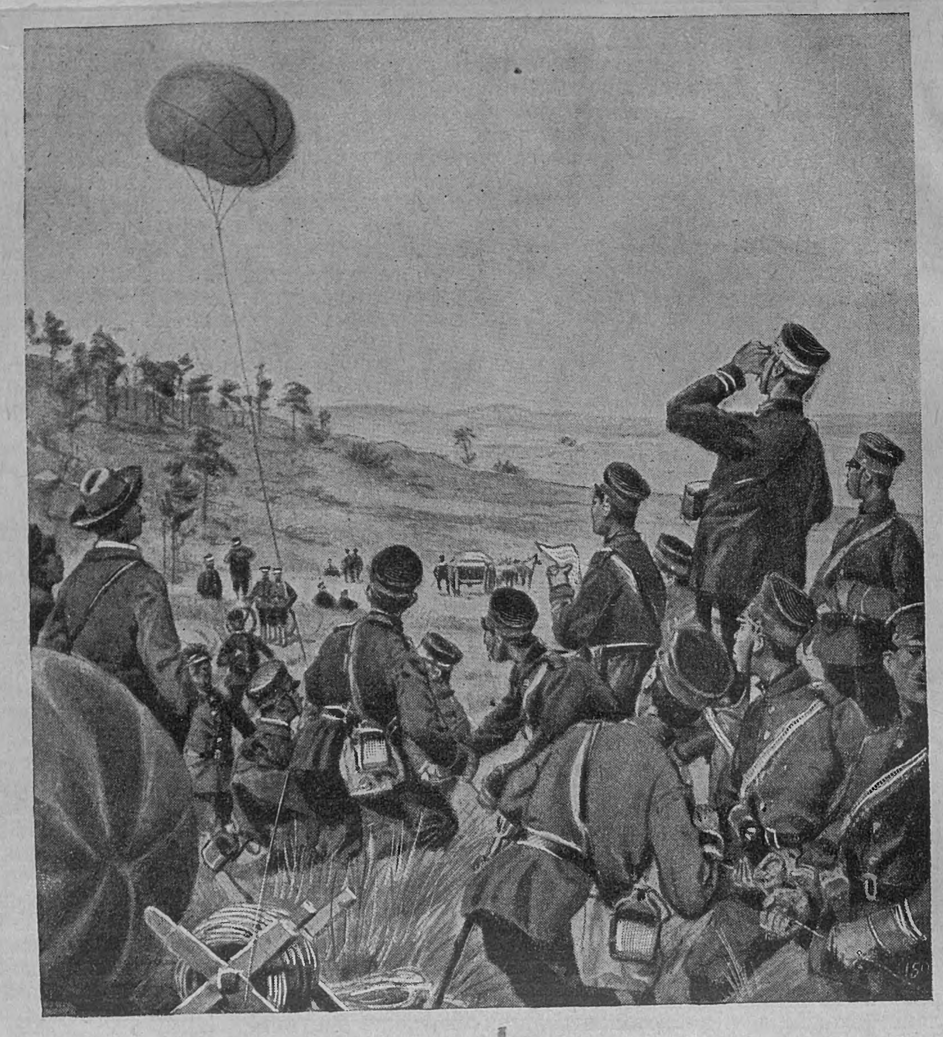
Нью-Іоркскій романъ.

Герой—молодой человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, членъ всѣхъ лучшихъ клубовъ въ Нью-Іоркѣ. Героиня—Роза Пасторъ, молодая еврейка, родилась въ Россіи, трехъ лѣтъ отъ роду эмигрировала со всей семьей въ Англію, отсюда въ Америку, и большую часть своей жизни (ей 25 лѣтъ) прожила въ Цинцинати, гдѣ, благодаря крайней бѣдности семьи, вынуждена была содержать мать и семью работой на табачной фабрикѣ. Несмотря на скверныя условія, дѣвушка, какъ много подобныхъ дѣвушекъ русско-еврейскаго происхожденія въ Америкѣ, старалась получить хоть нѣкоторое образованіе и, наконецъ, пробравшись вмѣстѣ съ семьей въ Нью-Іоркъ, занялась журналистикой, въ придачу къ табачной фабрикѣ, и въ промежуткахъ писала стихи. Комбинація возможна лишь въ странномъ районѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Нью-Іоркскаго гетто“. Въ одной изъ жаргонныхъ газетъ, издаваемой въ Нью-Іоркѣ, имѣется и англійская страница, для которой и сотрудничала миссъ Пасторъ.

Когда дѣятельность Стокса стала обращать на себя вниманіе русско-еврейской интеллигенціи, то миссъ Пасторъ была послана редакторомъ добиться интервью со Стоксомъ. Молодые люди понравились другъ другу съ первой же встрѣчи. Интервью, появившееся въ газетахъ, было

самое восторженное. Миссъ Пасторъ сдѣлалась активной работницей въ университетскомъ поселеніи, а молодой американецъ - милліонеръ сталъ посѣщать небольшую квартирку бѣдной еврейской семьи. Оглашенная газетами помолвка— результатъ этой встрѣчи.

Религіозная и мистическая экзальтація обоихъ видна изъ того, какимъ образомъ Стоксъ объяснялъ, что, въ сущности говоря, помолвки не было. „Помолвка“ —замѣтилъ онъ газетнымъ репортерамъ — предполагаетъ сдѣлку, а сдѣлка—двѣ стороны, мы же уже вполнѣ объединены въ нашей духовной жизни. Наши мысли, мечты, идеалы—все это одно“. Точно также Стоксъ отрицаетъ, что между нимъ и миссъ Пасторъ существуетъ какая-нибудь разница въ религіи. „Она происходитъ отъ евреевъ, а я нѣтъ, но она еврейка въ томъ же смыслѣ, въ какомъ апостолы были евреи. Въ нашихъ взглядахъ на мораль, на этику, на религію не существуетъ никакой разницы“.

Японцы перехватываютъ русскія депеши, передаваемыя безпроволочнымъ телеграфомъ.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Причуды милліонера.

Даже въ городѣ милліардеровъ, какимъ является Нью-Іоркъ, обращаетъ на себя вниманіе образъ жизни Джемса Гайда, главнаго контролера страхового общества „Эквитебль“. Это еще молодой человѣкъ, которому, повидимому, нелегко дается разрѣшеніе и въ самомъ дѣлѣ трудной задачи: какъ бы съ наибольшимъ достоинствомъ прожить огромные доходы и проценты, оставленные ему папенькой въ видѣ множества акцій богатаго страхового общества и теплаго въ немъ мѣстечка. Старанія въ этомъ направленіи прилагаются молодымъ Гайдомъ самыя добросовѣстныя, и часто устраиваемыя феерическія празднества и многочисленные экстравагантнѣйшіе капризы архимилліонера составляютъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ постоянный предметъ толковъ для мѣстной прессы. Такъ, банкетъ, устроенный Гайдомъ въ честь французскаго посла Камбона, говорятъ, обошелся въ 250 тысячъ рублей. Около 40.000 рублей стоили одни цвѣты на убранство стола и комнатъ. Костюмированный балъ во дворцѣ Гайда явился самымъ блестящимъ за весь сезонъ въ Нью-Іоркѣ, и милліардеры 5-го Авеню опустили руки, потерявъ всякую надежду превзойти въ какомъ бы то ни было отношеніи это фантастическое празднество, поглотившее неимовѣрныя суммы. Утверждаютъ, что самому молодому хозяину балъ этотъ обошелся въ 750.000 р., а если посчитать и расходы гостей, то затѣя Гайда стоила не менѣе 1½ или даже 2 милліоновъ руб.

Настоящей сказкой звучитъ описаніе конюшенъ и охотничьихъ помѣщеній во дворцѣ Гайда. Они принадлежатъ къ наиболѣе обширнымъ и роскошно обставленнымъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Для своего личнаго пользованія Гайдъ содержитъ 85 лошадей и 48 экипажей. Конюшни представляютъ рядъ богато убранныхъ залъ, составляющихъ цѣлый музей самой дорогой сбруи, украшенныхъ драгоцѣнными камнями попонъ и всевозможныхъ принадлежностей для верховой ѣзды и выѣзда въ экипажѣ. Великолѣпные ковры, историческая стильчая мебель, рѣдчайшія картины и гравюры изъ спортивной жизни, выигранныя на скачкахъ драгоцѣнныя вещи — всѣмъ этимъ полны безчисленныя залы конюшенъ, какихъ немного у старинныхъ царствующихъ домовъ Европы. При конюшняхъ Гайда состоитъ, разумѣется, соотвѣтственный персоналъ прислуги и въ томъ числѣ образцовая кухня, такъ какъ хозяинъ любитъ иногда неожиданно появиться тутъ съ толпою товарищей по охотѣ, и тогда въ роскошно убранныхъ и снабженныхъ всѣмъ необходимымъ столовыхъ должны быть въ самый короткій срокъ сервированы ужинъ или завтракъ, смотря по времени. Особенно оригинальна одна изъ столовыхъ, представляющая круглый залъ, въ который кругомъ выходятъ стойла благороднѣйшихъ скакуновъ. Во время трапезы гостямъ предоставляется любоваться цвѣтомъ конюшенъ, собраннымъ въ великолѣпно отдѣланныхъ „ложахъ“.

Мичманъ **Домбровскій,** отличился въ бою.

13-го вост.-сибирскаго стрѣлк. полка **И. Юрасовъ,** одинъ изъ защитниковъ Портъ-Артура.

Черногорецъ **Марко Т. Шпадіеръ,** раненъ въ грудь подъ Мукденомъ.

Поручикъ артиллеріи **Н. Н. Шуба,** раненъ.

Капитанъ 122-го тамбовскаго полка **Т. Шуваловъ,** тяжело раненъ подъ Ляояномъ.

Старшій адъютантъ генеральнаго штаба, подполковникъ **Д. Лопухинъ,** раненъ подъ Ляояномъ.

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, № 25. Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом.“ С. М. Проппѣръ.